

Интервью номера

Русский курьер. — 2004. — 30 дек. — с. 28-29

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

Среди когорты бесспорных оперных примадонн Ирина Архипова занимает особое место. Она не только выдающаяся певица, блиставшая не одно десятилетие в Большом театре, во многом составившая славу его «золотой» советской эпохи, с неизменно грандиозным успехом выступавшая на всех лучших оперных сценах мира — La Scala, Covent Garden, Grand Opera и Metropolitan Opera... Именно Архипова дала старт карьерам практически всех российских оперных звезд, что ныне разлетелись по миру. 2 января, в день своего юбилея, Ирина Архипова выйдет на сцену Большого зала Московской консерватории. Прежде чем она начнет принимать поздравления от друзей, коллег и учеников со всего мира, она споет для своих верных поклонников.

Мария БАБАЛОВА

— У вас не только личный, но и артистический юбилей — 50-летие творческой деятельности...

— Страшно подумать: 1 ноября 1954 года я дебютировала на профессиональной сцене в партии Любаши в опере Римского-Корсакова «Царская невеста» в Свердловском театре. Это было очень давно, но тот день я помню так хорошо, как будто это случилось только вчера. Я тогда уехала в Свердловск по нескольким причинам. Во-первых, я безрезультатно два раза прослушивалась в стажерскую группу Большого театра и один раз — Кировского театра, в то время как на свердловской сцене мне был обещан дебют. Во-вторых, я мечтала обрести творческую и личную свободу, что было возможно только вдали от дома. И я уехала, хотя мама была категорически против моего решения и говорила, что ляжет на рельсы. Но все-таки мне удалось ее убедить.

— Вы довольны своей карьерой?

— Не знаю. Я никогда не мыслила подобными категориями. Как я сама могу оценить свой талант и чего он был достоин? Это не в моей компетенции. Я удивляюсь, когда называют меня гениальной или когда ко мне приходит удача, будь то в исполнении каких-то произведений или в моей общественной деятельности. Но ничего особенного я для этого я не делаю. Просто, понимая ситуацию, проявляю настойчивость в достижении цели.

— Откуда в вас такая мощная целеустремленность?

— От природы, я, наверное, такая упрямая. Никто не думал, что мой дар делает меня певицей. Сначала я пошла по стопам отца, строителя, и поступила в Архитектурный институт, который закончила с отличием. Кстати, мой дипломный проект недавно нашли. Как ни странно, он бы очень актуально прозвучал в наши дни: памятник героям Отечественной войны в Ставрополе. Идея та же, что и памятника на Поклонной горе в Москве. И этот проект демонстрировался на выставке «Сталинской» архитектуры в Германии и в Японии.

Однако с детства я любила не только рисование, но и музыку. Я уже была состоявшимся архитектором, а с клавирами все равно не расставалась. Надо мной посмеивались все одноклассники. У нас была очень музыкальная семья: моя мама обладала прекрасным голосом и хорошо пела. Но стать профессиональной певицей я даже не помышляла.

— И все-таки стали...

— Когда меня услышал выдающийся архитектор Жолтовский, он рекомендовал мне пойти к Надежде Матвеевне Малышевой, очень образованной даме, работавшей концертмейстером в легендарной студии Станиславского. И произнести речь, что если она хочет заняться серьезными исследованиями в вокальном искусстве, то она должна заглянуть в архитектурный институт, где найдутся голосистые студенты, способ-

ные ей помочь в ее изысканиях. Под ее руководством я начала петь в институтской самодеятельности. И потом решила попытаться поступить в консерваторию, просто ради интереса. Но никому ничего не сказала. Боюсь, что провалюсь на экзаменах и мне будет очень стыдно. Но меня приняли. Так семейное хобби стало основной моей профессией, хотя в родительском доме быть певицей считалось верхом легкомыслия.

— Как вы думаете, что вам досталось от Бога, а что воспитано в вас родителями?

— От Бога — голос, музыкальность, а трудолюбие от родителей. Мама была очень одаренным человеком, но

и не ходила в санитарную дружину, куда я записалась, как только началась война. Я была, естественно, очень патриотична и работала санитаркой на платформах метро. А мама знала, что дело может закончиться отправкой на фронт, и очень испугалась, когда увидела противогаз. У нее случилась такая истерика, что я не смогла ее послушаться. Быть может, так она спасла мне жизнь.

— Жизнь запоминается нюансами или крупными мазками?

— По-разному. В зависимости от событий, наверное. Ведь одна гастроль от другой всегда очень отличается. И архив у меня, конечно, огромный. Сначала я его собирала очень аккуратно. Еду на гастроль, покупаю там какой-нибудь альбом, всегда красивый, дорогой, и наклеиваю туда все то, что нахожу: анонсы, рецензии, фотографии, потом дописываю свои впечатления от руки. У меня много таких альбомов. Но потом я уже перестала успевать это делать, да и надоело. Теперь выяснилось, очень многие гастроли прошли мимо. Но когда что-то бывает нужно, я иногда нырну в этот архив, и сразу всплывает абсолютно все — забытые сцены, даже забытые города, гастроли, встречи и собственные ощущения. Самой бывает очень интересно.

— Вам по душе кочевая жизнь гастролера?

— Любовь к путешествиям во мне воспитал отец. Он первым из огромной многодетной семьи получил высшее образование и стал инженером-строителем. Это были времена строек первой пятилетки, и он очень много ездил по стране, видел и анализировал. И свою любознательность он стремился передать своим детям, которых ему хотелось иметь целое племя. Так как я была старшим ребенком, он таскал меня за со-

альность претворилась в жизнь с другой стороны, можно сказать, с другого входа. Я не проектирую и не строю, но все время пою в концертных залах и таким образом оцениваю их как эксперт.

— Кстати, на ваш взгляд, в мире много хороших залов?

— Хороший зал — большая редкость. Его на самом деле очень трудно построить, но все-таки в мире подобные сооружения встречаются. Особенно в Японии. И, как ни странно, изумительный концертный зал сделали в Казани. А раньше при Казанской консерватории была просто какая-то ужасная фабрика-кухня. И вдруг на центральной площади появился настоящий «лебедь». И фасад очень красивый, и внутри интерьеры изумительные, и сам зал прекрасный.

— А новые московские залы вам нравятся?

— Не очень. Новое здание Большого театра внешне мне нравится, а внутри — нет. Я еще не почувствовала его акустики. Может быть, у меня такое впечатление сложилось от того, что я видела там ужасный спектакль — «Снегурочку». Боже, зачем эти режиссеры нагромодили черт-те что? Тихий ужас, а не спектакль. А Дом музыки на Красных Холмах внешне грубоватый и громоздкий. Его руководство старается, но акустика в Большом зале пока не очень хороша. В Москве есть один новый зал, правда, камерный, с изумительной акустикой — на Старом Арбате. Там петь сплошное удовольствие.

— Что самое ценное для вас в собственном творчестве?

— Я никогда ничего в себе не ценила. Я как раз отличаюсь тем, что я не дорожу ни талантом, ни голосом. Но если ты владеешь своим голосом в совершенстве и с легкостью тво-

бой на стройки, все объяснял очень обстоятельно и серьезно. Я так же серьезно его слушала. В 1935-м или 1936 году он организовал для всей семьи потрясающее путешествие на пароходах от Москвы до Батуми. Мы путешествовали целый месяц. Это было так интересно, что с тех пор я явно расположена к путешествиям. Они очень расширяют кругозор, возбуждают фантазии и мечты.

— Вы не жалеете, что принесли в жертву опере свой архитектурный талант?

— Я ничего не принесла в жертву. Я просто прибавила к архитектуре музыку, при этом в тех пропорциях, когда одно обогащает другое. В

Я никогда не ходила в чьи-то фаворитках. Меня просто всегда любила публика. Конечно, среди нее попадались люди и при должностях, но ужинать после выступления я с ними никогда не ездила, и никто спектакли или поездки для меня не выбивал

сделать для себя ничего не смогла, однако она сумела научить своих детей работать. Мы всегда относились друг к другу без комплиментов. Это очень правильно. Я с самого детства была загружена максимально. Одна школа, вторая, занятия спортом, общественной работой, немецким языком — тогда мы все поголовно учили язык «врага». Потом свои знания я использовала немного: редко ездила в немецкоговорящие страны.

Помню, как мама таскала меня за волосы, чтобы я вернула противогаз

результате получился симбиоз. Мне здорово помогают знания, приобретенные в архитектурном институте. Я заложила настоящий архитектурный фундамент и выстроила на нем свое вокальное искусство.

— А как архитектору вам никогда не хотелось спроектировать и построить концертный зал от «а» до «я»?

— Хотелось. И у меня даже были сделаны проекты концертных залов. Правда, они не ожили. Это были студенческие работы. Но эта моя специ-

ришь самые трудные вещи, то ты испытываешь настоящее блаженство. Ты сам становишься инструментом и улетаешь за звуком — это самое большое наслаждение в жизни. А реакция публики здесь уже дополнительная награда. Однако, как правило, певческий век очень короткий. Редко когда люди выдерживают певческий марафон десятки лет. Пение — тяжелый физический труд. Это все равно, что тащить на себе телегу, потому что у певца работают абсолютно все мышцы. Можно спеть арию, а потом сдохнуть. И такие случаи бывали в истории.

— А много «ваших» партий остались неспетыми в Большом театре?

— Хватает. Жаль, что и премьер было мало. Ставили все Шостаковича да Прокофьева. Я их не люблю. Мне кажется, что когда они писали свои оперы, они певцов не любили, да и на красивые мелодии не были щедры. И в результате в Большом театре мною спето опер гораздо меньше, чем я могла бы. Так, например, мне очень жаль, что я на сцене не спела «Орлеанскую деву». Решительная, активная Иоанна по-человечески мне очень близка. Именно от того, что в театре было не слишком много работы, у меня и появлялось такое множество камерных программ. Надо же было чем-то заниматься.

— В своих концертах вы пели и «Марш энтузиастов», и «Да испривится молитва моя»...